

УДК 821.111

ДВЕ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ РОМАНЕ

© 2013 г.

В.Г. Новикова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

wnovikova@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Рассматривается отражение поляризации культуры в современной британской литературе: проблема противостояния интеллектуалов и массовой культуры, ценностей среднего и рабочего классов, оппозиция доиндустриальных и индустриальных ценностей.

Ключевые слова: две культуры, британский роман, интеллектуалы, рабочий класс.

Предложенная тема отсылает нас к знаменитому докладу Ч.П. Сноу, сделанному в 1956 году и названному автором «Две культуры и научная революция». В нем он говорит: «Духовный мир западной интеллигенции все явственнее поляризуется, все явственнее раскалывается на две противоположные части. Говоря о духовном мире, я в значительной мере включаю в него и нашу практическую деятельность, так как отношусь к тем, кто убежден, что, по существу, эти стороны жизни нераздельны... На одном полюсе – художественная интеллигенция, которая случайно, пользуясь тем, что никто этого вовремя не заметил, стала называть себя просто интеллигенцией, как будто никакой другой интеллигенции вообще не существует... на другом – ученые, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды» [1, с. 198].

В то же время социально важным становится другой смысл оппозиции двух культур. Ф.Р. Ливис (1895–1978), основатель английской социокультурной критики, уже в 1930 году пишет о стандартизации и технологизации продуктов массовой культуры, формирующих американизированный тип массового сознания в «Массовой цивилизации и культуре меньшинства». Вкусы, в том числе и в школе, формируются в конкуренции самых «дешевых эмоциональных ответов»: фильмы, газеты, паблисити во всех ее формах, коммерческая беллетристика. Формирование литературного вкуса выглядит «несчастливым предприятием». Но если верить в образование, то эта ценность должна быть создана. Только в здоровом государстве культуры можно «оставить» гражданина, чтобы его сформировала подсознательно окружающая среда. В остальных случаях он должен быть

обучен, чтобы «отличать и сопротивляться», задача «может быть осуществлена командным усилием молодых интеллигентов, каждый год приходящих в школу» [2, с. 6]. Гуманитарная интеллигенция и университеты как центры культуры (не цивилизации) должны осознавать свою миссию. Эту мысль он будет отстаивать на протяжении своей жизни, она станет основой «ливисизма». Объединяет Сноу и Ливиса та роль, которая отводится интеллектуалам как создателям высоких смыслов, на которые должны ориентироваться массы. Основным упрек Ливиса Сноу заключается в том, что тот связывал положительную социальную перспективу с технологическим, а не с духовным развитием общества. Нельзя утверждать, что обычный человек современного общества живет более полной жизнью, чем первобытный человек (бушмен, индийский крестьянин) с его живым естественным искусством и умом, считает Ливис [3, с. 53]. В статье «The Two Cultures» today. On the C.P. Snow-F.R. Leavis controversy» Р. Кимбелл отмечает, что «Ливис описал Сноу как "ознаменование" нашей цивилизации, потому что аргументы Сноу воплощали, с его точки зрения, тенденцию современного общества упростить культуру, уменьшая ее до формы диверсии или развлечения. Для Ливиса не было удивительно, что «Две культуры» так захватили общественное воображение: Сноу, с его точки зрения, потворствовал пониженному качеству самого понятия культуры, защищенной установленным вкусом. Позиция самого Кэмпбелла понятна из заключения статьи: « В этом году (1994. – В.Н.) мы отмечаем тридцать пятую годовщину эссе Сноу. Когда мы осматриваем культурный пейзаж сегодня, мы видим развалины цивилизации, по-видимому совершившей культурное самоубийство: на Западе так или

иначе заключительные годы двадцатого столетия – годы беспрецедентного материального богатства вместе с глубокой культурной и интеллектуальной деградацией. Ч.П. Сноу едва ли виноват во всем этом. Он – просто канарейка в шахте» [4].

Ливис отмечает движение к деградации технократически-бентамовского общества и в своей последней программной книге «Не устанет мой меч» (1972), где опять возвращается к идее о том, что «цивилизованное варварство», самодовольное и невежественное, буржуазного просвещения следует преодолевать в центрах воспитания интеллигенции – университетах. (Подробно взгляды Ливиса, положившие начало социокультурной критике Великобритании, рассматриваются в работах Т.Н. Красавченко, в том числе процитированной здесь) [5].

Однако начиная с середины 70-х и до «нулевых» нового века все более отчетливо ощущается утрата интеллектуалами своих позиций. Этот процесс отчетливо просматривается в романах М. Брэдбери «Человек истории», особенно заметный в связи с профессией главного героя, занимающегося социологией, наукой, призванной объединить «точное» и гуманитарное знание, и «Профессор Криминале». «Люди знания» в последние десятилетия XX века перестают заниматься выработкой смыслов. Теперь они деконструируют старые идеологические системы, раскладывая их на отдельные компоненты и сочетая в новые в зависимости от спроса рынка. Создается замкнутый круг. Покупается только тот интеллектуальный товар, который может быть усвоен неразвитым вкусом массового потребителя, поэтому другой товар просто не производится. Этот процесс отражен в романах Д. Барнса, Д. Лоджа, М. Эмиса, Б. Элтона.

Иной смысл противопоставления двух культур возвращает нас к традиции английского романа. «Social problem» роман как доминирующая форма XIX века заставлял читателей своего времени как узнавать о неизвестных им сторонах социальной жизни, так и испытывать потрясение и сострадание. Социальный роман был обращен не к тем, кого он изображал, а к среднему классу. Обратим внимание на название исследования Ш. Смит – «Другая нация (подчеркнуто мною. – В.Н.): Бедные в английских романах 1840–1850-х гг.» [6]. Социальный роман 30–50-х годов XIX века был рассказом для «одной нации» о бедах «другой» и вызвал к состраданию. Романы «гуманизировали» факты индустриальной реальности и становились литературным средством протеста против злоупотреблений правительства, промышленников и

последствий их действий. Такой роман создавался в трех основных дискурсах: собственности как незыблемой ценности, морали и социализма. При этом следует помнить, что английский роман как «явление протестантской культуры» (К.Д. Ливис), как «культурное выражение растущего среднего класса пуританских торговцев» (Д. Нельсон) всегда имел в качестве определяющего дискурс «изначальной моральности», но это была мораль «среднего класса». Ценности «пуританских торговцев» культивировались как национальные.

Казалось, «славное» послевоенное тридцатилетие (1945–1975) с его социальными программами завершает историю индустриального романа с положительным финалом. Его итогом стал расцвет среднего класса, так как «перераспределение общественного продукта с помощью налоговой системы *welfare state* привело к тому, что значительная часть среднего и часть рабочего класса, не имея буржуазных источников дохода, смогла вести буржуазный образ жизни. После Второй мировой войны появилась "социалистическая буржуазия".

Однако не только политико-экономический рай "социалистической буржуазии" был явным отклонением от логики развития и природы капитализма, но и сам рабочий класс все более обнаруживал конформизм, неподвижность, «узость». Интересно, что А. Силлитоу в 1959 году говорит о том, что пролетарский роман развился от упомянутого «вопля неимущих» в солидную область литературы, но читается по-прежнему преимущественно средним классом, а не теми, о ком он, собственно, написан.

«Славное» послевоенное десятилетие при всех успехах в материальном обеспечении неимущих главной задачи не достигло. Возможно, в том числе и потому, что потребление и соответствующий стиль жизни все более заменяли производство и работу в качестве центральных аспектов социально-культурного бытия. Государство всеобщего собеса не справилось с задачей воспитания личности. Опекаемые государством пролетарии становились все более политически инертными, легко манипулируемыми средствами массовой информации, стремящимися объединяться скорее в «общества прав потребителя», нежели в иные другие. Мечта Ливиса об университетах, «создающих смыслы», осуществляется, так как этот товар не находит спроса. У. Бойд в романе «Браззавиль-Бич» дает замечательное по точности определение модели «бывания» среднего класса: *bland supurban mulch* (мягкая окраинная мульча) [7, с. 45].

Восьмидесятые годы в истории Великобритании ознаменованы правлением партии консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер, самым ярким политиком послевоенной эпохи. Тэтчеризм – социально-политическая концепция мировоззренческого уровня, которую можно кратко сформулировать как «философия собственности». И вновь, казалось бы, произошло желанное слияние двух культур (рабочей и среднего класса). Судьба «индустриального человека» получает художественное воплощение в романе Т. Лотта «Штормовое предупреждение». Главный герой Чарли Бак является носителем тех ценностей, которые культивировались идеологией индустриального общества. В этом смысле фигура для английской литературы конца XX века вполне архаичная и редко привлекающая внимание писателей. Социальная мифология, выстраиваемая с середины XVII столетия, создает для такого человека целостную модель мира, основанного на незыблемости социальных институтов. Повествовательная техника Лота подчеркнута традиционна. Он разворачивает психологический портрет Чарли Бака, опираясь на ожидаемую доминанту усредненности личности. Сама примитивность его личности, тщательно выписанная автором, свидетельствует об упадке и даже разрушении социального мифа. В романе художественно воплощается разложение традиционных систем нравственности. Классическая викторианская нравственная практика уже не функциональна. Конформистский трудолюбивый тип личности разрушен, что означает закат протестантской этики.

В британском романе эпохи постмодернизма (в Великобритании это как раз период правления Тэтчер) жанровое содержание часто сохраняет тяготение к классическому «моральному чувству», что позволяет авторам художественно представить сам процесс переосмысления обществом традиционной нравственности. Для европейского общественного сознания ее центром было чувство патриотизма. Служение отечеству и осознание себя гражданином, доверие к государственным ценностям давало смысл отдельному существованию. основополагающая общественная ценность эпохи тэтчеризма – глубокое убеждение в том, что личность в нации собственников должна быть максимально свободной от контроля или вмешательства со стороны государства. Последствия показал в своем романе Т. Лотт. Причины девальвации патриотизма в период Второй мировой войны представляет Д. Бэнвилл в романе «Неприкасаемый», по-

пытку его ложной компенсации – Д. Кинг в своей «футбольной трилогии», симулякр национальной идентичности – Д. Барнс в «Англии, Англии».

На самом деле все названные выше оппозиции двух культур являются логическим завершением тенденций, определенных Новым временем, или индустриальной эпохой. Сами формулировки, образы, сюжеты, идеи созданы людьми, чье представление о мире, ценностные ориентиры являются порождением мышления «проекта Просвещения». Отражение новой реальности связано с постиндустриальной идеологией

Ситуация конца века во многом определена еще в его середине, когда Дж. Бернхейм создал теорию «революции менеджеров». По его мнению, возникает новый тип планового, централизованного общества, которое не будет ни капиталистическим, ни в каком бы то ни было принятом смысле слова демократическим. Правителями этого нового общества становятся те, кто фактически контролирует средства производства: администраторы компаний, техники, бюрократы и военные, которых Бернхейм объединяет под именем «менеджеры». Новый мир будет состоять из громадных сверхгосударств, сложившихся вокруг главных индустриальных центров Европы, Азии и Америки. Все они будут иерархическими: аристократия способных наверху и масса полурабов внизу. Как показала история, Бернхейм ошибался в частности (работа написана в 40-е гг), но класс наемных управляющих действительно вытесняет класс собственников и играет решающую роль в развитии современного общества.

Непосредственно этой теме посвящен роман Й. Бэнкса «Бизнес». Автор, как и другие британские писатели этого периода, подобный тип культуры полагает разрушительным для личности. В качестве выхода из тупика он предлагает утопию: успешный менеджер отправляется в маленькое азиатское государство в горах строить свою жизнь в соответствии с доиндустриальными ценностями. Так же поступит героиня романа Д. Барнса «Англия, Англия». Обращение к доиндустриальной идеологии заставляет рассмотреть еще одну оппозицию двух культур. Суть противостояния помогает понять концепция двух слоев английской культуры – аристократической, высшего слоя общества, и народной, восходящей к англосаксам. В соответствующем разделе своего обширного труда «Культура и власть. Философские заметки» А. Асланов соглашается с

этой формулой и говорит о том, что носители народной североморской культуры из века в век были инициаторами технического прогресса, отличались предприимчивостью, трудолюбием, самоконтролем, бережливостью, т. е. чертами, особенно характерными для пуритан [8, с. 471]. Экономическое развитие страны (индустриализм и торговля) было связано именно с этой культурой. Она же формирует в значительной степени и Лондон как гигантский торгующий город. Аристократический образ жизни включал в себя неиндустриальные ценности. Ценилась деревенская, а не фабричная и торгующая Англия. Средний класс Викторианской эпохи формировался за счет юристов, врачей, чиновников, журналистов, профессоров. «Их престиж в значительной мере определялся их отстраненностью от процесса грубого делания денег, их интеллектуальностью, аристократизмом» [1, с. 482]. Ценились профессии, не связанные с производством. Эти ценностные приоритеты культивируются в романах как викторианского, так и поствикторианского периодов.

«Провинциализм в Британии XX в. определяется не удаленностью от столицы, а стилем жизни. Жизнь низших классов общества, хранителей североморской культуры, даже в столице постоянно рассматривается как провинциальная, но в то же время часто в сельской глуши кипела светская, т. е. аристократическая жизнь» [1, с. 483]. При этом сельская жизнь понимается не в социально-бытовой конкретике, а в идилично-мифологизированном виде.

Названная концепция позволяет понять специфику некоторых идей, связанных с провинцией и провинциальностью в английском романе последних десятилетий XX века. У. Бойд в своем романе «Броненосец» («*Armaddillo*», 1998) показывает процесс ассимиляции провинциала в Лондоне. Главный герой Лоример Блэк проник в самую суть столичной ментальности, сконструированной в его сознании из множества поглощенных текстов книг, театров, архитектуры, мифологии Лондона. Он почти создал себе «квинтэссенцию уникального английского образа жизни». Однако роман начинается с эпизода, когда «старший специалист по оценке ущерба» (таково название должности, легко прочитываемый символ в контексте романа) обнаруживает своего клиента, покончившего с собой. Мрачная картина дополняется видом сгоревшего склада манекенов для магазинов одежды. Груды искореженных пластмассовых тел, так похожих на настоящие, – метафора, помогающая вступить в мир торгующей столи-

цы. В романе сгорят одна гостиница, принадлежащая еще одному клиенту, машина страховой фирмы и, в конечном счете, та форма бытия, к которой стремился герой.

Провинциальность в прямом смысле слова отождествляется здесь с семьей Блоков, далекой по происхождению не только от Лондона, но и от любой другой столицы, и показана как комплекс социально-генетических черт, проявляющихся в мышлении, поведении, ценностных ориентациях, не вызывающих в данном случае особых симпатий. С другой стороны, социальная активность столичных жителей, связанных с миром бизнеса, описана в категориях, абсолютно чуждых любому уровню духовности и оцениваемых в приведенной в романе простейшей аллегории о больших рыбах, пожирающих малых.

Подлинное бытие обнаруживается в образе жизни старой леди Хейг, создавшей себе крошечный садик, примыкающий к стенам большого дома, скрытый от посторонних глаз. В абсолютном большинстве «лондонских текстов» мы обнаружим такой остаток аристократической истинной столичности.

Так, в романе М. Муркока «Лондон, любовь моя» («*Mother London*», 1988) появляется островик викторианской идиллии среди войны и последующих событий. Основное событие романа – период Блица, бомбежек Лондона, сплотивших нацию. Все герои романа выжили в это время, но они все психически больны, с точки зрения медиков и обывателей. На самом деле это душевно тонкие, благородные люди, напоминающие «чужаков» Диккенса. Они не стремятся к материальной выгоде и всегда готовы заботиться о ближнем. По-диккенсовски автор стремится доказать, что эти герои на самом деле носители «этической нормы», к которой должны стремиться остальные. Все персонажи концентрируются вокруг некоего «Прибрежного коттеджа», уцелевшего в военные годы, несмотря на прямое попадание бомбы, и в последующих социальных катаклизмах. Территория коттеджа наполнена цветами; в романе предлагается традиционный английский перечень растений (розы, васильки, фуксии, алтей, люпин, львиный зев, душистый горошек) и животных (куры, кошки, собаки). Старые дамы – владелицы коттеджа – выглядят родными сестрами леди Хейг. Все они представители аристократической культуры.

Провинциалами остаются те, кто занимается бизнесом и превращает Лондон в гигантский супермаркет. Социальная активность в лондонском духе воспринимается большинством авторов как монстрообразная.

В качестве оптимального жизнеустройства современный британский роман предлагает возвращение в патриархальные доиндустриальные времена и сложившиеся там отношения. В этом смысле знаменитое неовикторианство принимает парадоксальным образом облик доиндустриального общества с простыми, устойчивыми формами бытия. Любой выход из постиндустриального пространства идеализируется, однако не может быть панацеей. Старый, как мир, уход в «золотое прошлое» отражает центральную проблему первых десятилетий XXI века, так как отсутствие смыслов, в разных формах зафиксированное в современном британском романе, разрушает образование, лишает жителей страны импульса к общественно значимым действиям, позволяет манипулировать массами в силу отсутствия социально значимых ориентиров. С отсутствием национальной идеи связан и тот мучительный поиск национальной идентичности, который полагают главным в современном литературном процессе и который никак не может удовлетворительно завершиться при современном состоянии дел.

Список литературы

1. Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. С. 195–226.
2. Leavis F.R. Mass Civilisation and Minority of Culture. Cambridge, 1930. 32 p.
3. Leavis F.R. Nor Shall My Sword: Discourses on Pluralism, Compassion and Social Hope. L. 1972. 232 c.
4. Kimball R. “The Two Cultures” today. On the C.P. Snow-F.R. Leavis controversy// New Criterion. 1994. February.
5. Красавченко Т. Социокультурное направление в английском литературоведении 60–70-х годов // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественный текст и контекст реальности. М., 1977. С. 102–124.
6. S. Smith. The Other Nation: The Poor in English Novels of the 1840s and 1850s. Oxford, Clarendon Press, 1980. 282 c.
7. Boyd W. Brazzaville Beach. L., Sinclair-Stevenson Lim., 1990. 314 p.
8. Асланов А. Культура и власть. Философские заметки. Книга первая. Москва. 2001. 496 с.

TWO CULTURES IN THE MODERN BRITISH NOVEL

V.G. Novikova

The article considers the reflection of cultural polarization in contemporary British literature: the confrontation of intellectuals and mass culture, of the values of the middle and working classes, the opposition of pre-industrial and industrial values.

Keywords: two cultures, British novel, intellectuals, working class.